

ПРАВОСЛАВІЕ И АНГЛИКАНСТВО

Первая значительная встрѣча между Православіемъ и Англиканствомъ произошла въ началѣ XVIII вѣка, когда часть епископовъ Англиканской Церкви, не пожелавшихъ присягнуть протестанту-королю Вильгельму Оранскому и оставшихся вѣрными династіи Стюартовъ, попыталась найти поддержку и опору на Востокъ.

Ихъ усилія оказались тщетными: восточные патріархи, обезсиленные и униженные подъ игомъ турецкихъ султановъ, не только не смогли помочь, но даже и понять англиканъ.

Прошло болѣе 100 лѣтъ, прежде чѣмъ Православная Церковь вновь привлекла вниманіе англійскихъ богослововъ. Оксфордское Движеніе начавшееся въ 1833 съ новой силой возродило сознаніе вселенскости Церкви среди англиканъ и такимъ образомъ пробудило въ нихъ интересъ и къ Восточному христіанству. Нѣсколько выдающихся участниковъ Движенія посвятило всю свою жизнь изученію Православія, а Вильямъ Пальмеръ, одинъ изъ оксфордскихъ богослововъ попытался даже вступить въ общеніе съ Православной Церковью и предпринялъ съ этой цѣлью путешествіе въ Россію и на Ближній Востокъ; однако, онъ встрѣтилъ тамъ столь мало пониманія и интереса, что его намѣреніе не смогло осуществиться, и онъ окончилъ свою жизнь членомъ Римо-Католической Церкви. Несмотря на эту новую неудачу, дружескія отношенія между Англиканствомъ и Православіемъ съ тѣхъ поръ уже не прекращались и они пріобрѣли особенно искренній характеръ въ годы войны и послѣдовавшихъ за ней потрясеній, когда англикане показали на дѣлѣ свое расположеніе и братскую любовь къ гонимой Православной Церкви.

Въ настоящее время вопросъ о соединеніи этихъ двухъ церквей настолько продвинулся впередъ, что только невозможность созвать Всеправославный Соборъ препятствуетъ детальному обсужденію этого предложенія.

Возстановленіе церковнаго общенія съ частью западныхъ христіанъ таитъ въ себѣ источникъ радости и вдохновенія. Православіе, хотя и ограниченное въ теченіе послѣднихъ девяти вѣковъ предѣлами Востока, никогда не переставало ощущать себя Вселенской Церковью, не знающей ни національныхъ, ни областныхъ предѣловъ, и расколъ съ Западомъ оставался для многихъ ея членовъ никогда не заживающей раной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ многое въ природѣ современнаго Англиканства возбуждаетъ тревогу и недоумѣніе въ душѣ восточныхъ христіанъ, смущенныхъ наличіемъ въ предѣлахъ одного и того же вѣроисповѣданія людей, принадлежащихъ и къ католической и къ протестантской традиціи Западнаго Христіанства.

Типъ церковной жизни, осуществляемый въ Англиканствѣ, настолько необыченъ, настолько нарушаетъ всѣ привычныя представленія о Церкви, что можно говорить о тайнѣ Англиканства, надъ разрѣшеніемъ которой вотъ уже 400 лѣтъ безуспѣшно бьется христіанское богословіе. И дѣйствительно, трудно найти другое слово для опредѣленія того необычнаго положенія, когда одна и та же церковь описывается и осознается разными христіанами то какъ Православная, то какъ Католическая, то какъ Протестантская. Отсюда, естественно, возникаетъ вопросъ о томъ, возможно ли вообще соединеніе или даже только братское сотрудничество съ подобной христіанской общиной. И приходится признаться, что до сихъ поръ Православное богословіе не добилося удовлетворительнаго разрѣшенія этого недоумѣнія.

Задача этой статьи состоитъ въ попыткѣ намѣтить тѣ основныя линіи, по которымъ должна двигаться Православная мысль, чтобы отвѣтить на эти волнующіе вопросы.

Христіанское сознаніе не мирится съ властью случайности даже въ жизни отдѣльнаго человѣка, тѣмъ болѣе вѣритъ оно въ цѣлесообразность и органичность жизни Церкви. Поэтому плодотворное ознакомленіе съ отдѣльными событіями ея исторіи невозможно безъ опредѣленія ихъ смысла и мѣста въ общемъ процессѣ ея развитія.

Въ частности изученіе Англиканства предполагаетъ прежде всего осознаніе со стороны Восточнаго богословія значенія встрѣчи съ нимъ для жизни самого Православія. Только ощутивъ изнутри смыслъ раскола съ западомъ и современныхъ попытокъ къ его преодолѣнію, только понявъ ихъ мѣсто въ ростѣ нашего церковнаго сознанія (внутри Православія) наше богословіе сможетъ найти дерзновеніе любви и вѣры для разрѣшенія тайны Англиканства и для нахождения тѣхъ формъ общенія съ нимъ, которыя бы соотвѣтствовали вселенской миссіи Православной Церкви.

Вся исторія нашей Церкви можетъ быть истолкована какъ рядъ попытокъ христіанъ найти правильные пути для осуществленія своего братства во Христѣ въ лонѣ единой вселенской Церкви. Она начинается первымъ апостольскимъ періодомъ когда ея членамъ была дарована возможность испытать реальность ея единства. Общины, основанныя апостолами, на опытѣ показали его осуществимость, а посланія святыхъ апостоловъ Павла и Іоанна раскрыли его догматическое значеніе.

Послѣдующій періодъ, длившійся съ конца I до начала IV вѣка былъ временемъ плодотворной работы надъ усвоеніемъ наслѣдія полученнаго отъ апостоловъ. Хотя единство Церкви и находилось въ эту эпоху подъ постоянной угрозой такъ какъ гностики, монتانиты, новаціане вели непрерывную борьбу противъ ядра ея членовъ, оставшихся вѣрными апостольскому Преданію, но несмотря на частичныя пораженія и разнообразныя соблазны эти послѣдніе сумѣли донести единство Церкви до времени, когда Римская имперія приняла на себя охрану чистоты ея ученія и блюденіе единодушія среди ея членовъ. Въ 325 году начинается третій періодъ исторіи Церкви, который вскрылъ всю силу противленія христіанъ заповѣди Спасителя о любви и единствѣ между его учениками. Стихійныя центробѣжныя силы на этотъ разъ оказались настолько побѣдоносны, что они смогли расколоть Вселенскую Церковь на рядъ враждующихъ этническихъ церквей, которыя тѣмъ болѣе проявляли ненависти другъ къ другу, чѣмъ настойчивѣе пыталась Имперія связать ихъ снова въ единое цѣлое.

Третій періодъ исторіи Церкви оканчивается съ завершеніемъ раскола между латинскимъ и греческимъ христіанствомъ и съ прекращеніемъ созыва Вселенскихъ соборовъ. Это время ожесточенной внутри-церковной борьбы и возстанія противъ заповѣди единства, конечно, не могло обогатить церковное сознаніе дальнѣйшимъ проникновеніемъ въ изученіе природы Церкви и христіанская мысль втеченіе всего періода вселенскихъ соборовъ не продвинулась впередъ въ этой области, по сравненію съ писаніями св. Кипріана, которыми закончилась предыдущая эпоха.

Не менѣе труднымъ оказался и слѣдующій періодъ, длившійся съ XI по XX столѣтіе, главнымъ событіемъ котораго является великій расколъ внутри Западнаго Христіанства и послѣдовавшій за нимъ взрывъ еще болѣе напряженной междоусобицы на этотъ разъ уже между тремя основными вѣроисповѣданіями новаго времени — Римо-Католичествомъ, Протестанствомъ и Восточнымъ Православіемъ. Хотя въ эту эпоху центробѣжныя силы внутри Православія значительно ослабѣли и, такимъ образомъ, вопросъ объ единствѣ церкви

могъ бы найти среди насъ благопріятную почву для своего дальнѣйшаго изученія, — однако этого не случилось частично изъ за политическихъ невзгодъ, отъ которыхъ жестоко страдали Восточные Христіане, а отчасти и по причинѣ непрекращавшейся конфессіональной борьбы, вызванной враждебными дѣйствіями западныхъ христіанъ. Только писанія А. Хомякова явились свидѣтельствомъ того, что опытъ пережитыхъ столѣтій не прошелъ даромъ для членовъ Православной Церкви и истинная природа ея единства яснѣе встаетъ передъ ихъ сознаніемъ.

Есть рядъ показаній, что Великая война и вызванный ею кризисъ христіанскихъ цивилизацій открываетъ новый пятый періодъ исторіи Церкви. Его отличительной чертой является перерожденіе христіанскихъ конфессій, внутри которыхъ образуются теченія, вновь осознающія вселенскую природу Церкви и стремящіяся къ соединенію со сродными группами принадлежащими къ инымъ вѣроисповѣданіямъ.

Если это описаніе наступающаго періодъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то оно открываетъ пути для новой и плодотворной работы церковной мысли надъ постиженіемъ природы Церкви, т. е. для осуществленія той задачи, къ которой ея члены не могли приступить въ теченіе послѣднихъ шестнадцати столѣтій.

Въ этомъ процессѣ особое значеніе имѣютъ встрѣчи между тѣми христіанами, которые хотя и были вѣками отдѣлены другъ отъ друга, но въ настоящее время ощущаютъ уже свое духовное единство и обладаютъ однороднымъ опытомъ жизни въ Церкви.

Совершенно несомнѣнно, что изъ всѣхъ современныхъ конфессій наиболѣе близко подошла къ Православію Англиканская Церковь, въ особенности въ лицѣ такъ называемаго Англо-католическаго Движенія. И такимъ образомъ, встрѣча съ нею даетъ Православію ту возможность для дальнѣйшаго изученія вопроса о Церкви и ея единствѣ, котораго оно было лишено, начиная съ IV вѣка. Для того, чтобы понять то новое, что несетъ для Православія его встрѣча съ Англиканствомъ, слѣдуетъ остановиться на основныхъ видахъ взаимоотношеній съ инославіемъ, которые знали восточные христіане въ теченіе своей исторіи.

Несмотря на все разнообразіе ересей, расколовъ и схизмъ, съ которыми пришлось имъ бороться, всѣ они могутъ быть подраздѣлены на два основные типа. Первый видъ расколовъ характеризуется убѣжденіемъ ихъ участниковъ въ томъ, что они одни сохранили неповрежденной истину, а что вся остальная масса вѣрующихъ нарушила основы Новаго Завѣта и выпала изъ Церкви. Хотя обычно то, на чемъ настаиваютъ отколов-

шіеся христіане и имѣть положительное значеніе, но они, борясь за соблюденіе отдѣльныхъ частныхъ, забываютъ о главномъ, объ единствѣ христіанъ въ любви и вѣрѣ и тѣмъ самымъ лишаютъ себя полноты церковной жизни. Борьба съ этимъ видомъ раздѣленія Церкви обычно бываетъ и мучительна и бесплодна, и она почти никогда не способствуетъ дальнѣйшему уясненію основъ единства Церкви, ибо нападающая сторона страдаетъ какъ разъ отъ утери образа вселенскости Церкви и не способна поэтому принять участіе въ плодотворномъ обсужденіи вопроса объ ея истинной природѣ. Поэтому, какъ ни многочисленны были подобные расколы, а къ нимъ можно отнести монтанизмъ, новоціанство, монофизитство, главные виды протестантизма и русское старообрядчество, они не смогли помочь работѣ Православнаго Богословія надъ опредѣленіемъ единства Церкви. Также бесплоднымъ оказывается и второй видъ раздѣленія, который характеризуется заболѣваніемъ христіанъ церковнымъ имперіализмомъ, выражающимся въ ихъ убѣжденіи, что имъ однимъ поручена отъ Бога миссія господства и управленія надъ всѣми остальными церквами. Несмотря на увлеченіе идеей вселенскости, и здѣсь тоже отсутствуетъ подлинно каеолическое осознаніе Церкви, какъ Союза любви, осуществляемаго въ свободѣ и поэтому, борьба и съ этимъ видомъ инославія, тоже обычно, не даетъ возможности поставить правильно вопросъ о природѣ Церкви.

Другихъ формъ взаимоотношенія съ инославіемъ Православіе не знало въ продолженіи всей своей исторіи, и Англиканство есть первый примѣръ третьяго вида этихъ отношеній.

Англиканство является церковью, во многомъ кореннымъ образомъ отличной отъ Православія, оно не желаетъ ни подчинять себѣ восточныхъ христіанъ, не хочетъ оно также и раствориться въ ихъ средѣ. Оно предлагаетъ Православію, какъ своей старшей сестрѣ помочь ей вступить въ братское общеніе и начать вмѣстѣ осуществлять великую миссію, порученную Христомъ своей вселенской Церкви.

Это неожиданное предложеніе равно отлично какъ отъ обычной вражды и нетерпимости сектантовъ, такъ и отъ высокомерныхъ требованій Рима, и оно ставитъ передъ Православнымъ сознаніемъ во всей глубинѣ вопросъ о Церкви.

Ибо братскій призывъ англиканъ къ соединенію требуетъ отъ православныхъ отвѣта на два основныхъ вопроса, 1) какъ опредѣляютъ они признаки истинной Церкви, т. е. при помощи какихъ критеріевъ они различаютъ благодатныя христіанскія общины отъ собраній лжебратьевъ и 2) какова ихъ оцѣнка современнаго Англиканства, считаютъ ли они его частью Вселенской Церкви или еретической сборищемъ.

Отвѣты на эти вопросы существенны не только для англиканъ, они, можетъ быть, имѣютъ еще большее значеніе для самихъ православныхъ, такъ какъ англиканская Церковь своимъ братскимъ призывомъ къ общенію открываетъ передъ ними возможность на опытѣ провѣрить наше современное ученіе о Церкви, и объ ея Вселенскости и единствѣ (*).

Въ настоящее время среди Православныхъ богослововъ существуютъ значительныя разногласія по этому поводу, которыя остаются неразрѣшимыми, поскольку они продолжаютъ прибывать въ сферѣ лишь теоретическихъ разсужденій. Только примѣненіе этихъ различныхъ богословскихъ мнѣній на практикѣ въ дѣлѣ, на примѣръ, изученія и сближенія съ англиканами можетъ въ значительной мѣрѣ облегчить выборъ того изъ нихъ, которое соотвѣтствуетъ вселенской истинѣ Православія.

Три изъ нихъ заслуживаютъ особаго вниманія, какъ пользующіся наибольшимъ распространеніемъ среди членовъ Церкви, Согласно первому мнѣнію, сама постановка вопроса объ изученіи и сближеніи съ иностранными церквами основана на глубокомъ недоразумѣніи. Въ мірѣ есть лишь одна Церковь, и это есть Восточное Православіе, все внѣ его пребываетъ во мракѣ язычества, поэтому говорить надо не о соединеніи церквей, а о крещеніи и обращеніи въ христіанство тѣхъ людей, которые по невѣдѣнію считаютъ себя членами Церкви черезъ принадлежность свою къ Римской или Протестантской ересьямъ. Эта точка зрѣнія является попыткой повторенія на православной почвѣ Римо-католическаго ученія о Церкви. Она настолько вопіюще противорѣчитъ реальности церковной жизни инославныхъ христіанъ и самой практикѣ Православія, признающаго дѣйствительность крещенія и священства полученнаго внѣ предѣловъ Православной церкви, что на опроверженіи ея не стоитъ останавливаться подробно. Однако, слѣдуетъ отмѣтить, что этотъ взглядъ до сихъ поръ широко распространенъ среди православныхъ богослововъ и онъ явился причиной, почему вышеупомянутый священникъ и богословъ Англиканской церкви В. Пальмеръ отшатнулся отъ Православной церкви. Греческіе іерархи не только не признали его священства, но и потребовали отъ него второго крещенія, рассматривая этого ревностнаго христіанина, отдавшаго всю свою жизнь

---

*) Насколько ново и неожиданно является предложеніе Англиканъ показываетъ тотъ характерный фактъ, что Православная Церковь не имѣетъ ни каноновъ, ни обрядовъ, опредѣляющихъ пути возстановленія общенія съ нею другихъ церковныхъ общинъ. Ея практика знаетъ лишь единоличныя присоединенія къ ней западныхъ христіанъ и всѣ ея чины построены на этомъ основаніи.

на возстановленіе единства Церкви, какъ обычнаго язычника. Излишне говорить, что Пальмеръ не могъ примириться съ этимъ положеніемъ и онъ усумнился въ авторитетъ того вѣроисповѣданія, которое тысячелѣтнюю исторію церкви его народа, украшенную безчисленными подвигами христіанскаго милосердія, примѣрами высокой духовной жизни и миссіонерской ревности, могло считать за иллюзорное видѣніе, которое должно разсѣяться при первой провѣркѣ его критеріемъ Восточнаго Православія.

Несомнѣнно, подобное отношеніе къ инославнымъ церквамъ явилось плодомъ той горечи, которую впитали въ себя восточные христіане отъ небратскаго отношенія къ нимъ римокатоликовъ и протестантовъ. Въ настоящее время оно еще держится тамъ, гдѣ все еще примѣняются методы церковной борьбы, выработанные въ XVI и XVII вѣкахъ.

Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ вторая точка зрѣнія, которая такъже, какъ и первая исходитъ изъ положенія, что современное Православіе есть единая представительница истинной церкви на землѣ. Но, въ отличіе отъ перваго взгляда она допускаетъ существованіе иныхъ христіанскихъ, хотя и глубоко поврежденныхъ вѣроисповѣданій и готова помочь имъ обрѣсти полноту истины. Признавая современное Православіе за ея конечное выраженіе, она мыслитъ соединеніе церквей въ видѣ постепеннаго оправославленія какъ вѣроученія, такъ и обрядовъ инославныхъ христіанъ и измѣряетъ ихъ современное состояніе тѣмъ разстояніемъ, которое отдѣляетъ ихъ отъ Православія.

Это рѣшеніе вопроса заключаетъ въ себѣ много вѣрнаго, ибо Православная Церковь является хранительницей полноты благодатной жизни, но догматически это ученіе лишено четкости, и послѣдовательное примѣненіе его на практикѣ вызываетъ столь много недоумѣній, что оно, очевидно, требуетъ дальнѣйшихъ уточненій и дополненій.

Основныя практическія возраженія противъ этого предложенія можно свести къ двумъ пунктамъ.

Во первыхъ, современное Православіе ограничено предѣлами Восточно-европейскихъ народовъ и не обладаетъ больше западной струей церковной традиціи, которая когда-то составляла существенную часть жизни вселенской Церкви. Отождествленіе всей Церкви съ восточными формами христіанства есть, несомнѣнно ересь, разрушающая Священное Преданіе, всякая попытка навязать западнымъ христіанамъ восточныя традиціи и обряды есть повтореніе той ошибки Рима, противъ которой всегда боролось Православіе. Такимъ образомъ, далеко не все, что такъ глубоко отлично у западныхъ христіанъ отъ современнаго Православія должно быть осужде-

но, напротивъ то, что восходитъ къ западной апостольской традиціи Церкви, должно считаться истиннымъ и Православіе можетъ только скорбѣть объ исчезновеніи этихъ элементовъ изъ его жизни.

Кромѣ этого перваго затрудненія есть и второе, еще болѣе обременительное.

Современное Православіе въ силу различныхъ историческихъ причинъ, утратило рядъ установленій, которыя считались существенными для жизни Церкви, какъ въ послѣапостольскій періодъ, такъ и въ эпоху Вселенскихъ соборовъ, и ихъ отсутствіе нынѣ неблагопріятно отражается на его жизни, съ другой стороны нѣкоторыя ея новыя формы несомнѣнно нарушаютъ канноническія предписанія и такимъ образомъ не все то, что сейчасъ совпадаетъ съ практикой современныхъ православныхъ церквей, можетъ считаться желательнымъ и соотвѣтствующимъ вселенскому образу Церкви (*) и не все то, что отлично отъ нея — нецерковнымъ и осужденнымъ.

Поэтому современное состояніе Православія не можетъ служить достаточнымъ критеріемъ для оцѣнки инославія и возстановленіе единства церкви не состоитъ въ приведеніи всѣхъ существующихъ вѣроисповѣданій къ типу церковной жизни осуществляемой современнымъ восточнымъ христіанствомъ.

Сознавая всѣ эти затрудненія, нѣкоторые богословы Православной церкви выдвигаютъ третье предложеніе — считать искомымъ критеріемъ Церковь Вселенскихъ Соборовъ, которая включала въ себѣ большую часть восточныхъ христіанъ и почти весь христіанскій Западъ. Ея догматическія рѣшенія и канноническія нормы признаются въ настоящее время и на Востокѣ и на Западѣ большинствомъ христіанъ за выраженіе подлиннаго церковнаго сознанія и потому, естественно, желать строить единство церкви на тѣхъ нормахъ, которыя получили свое окончательное оформленіе въ эту бурную и славную эпоху церковной исторіи.

Существуетъ, однако, рядъ существенныхъ возраженій и противъ этого предложенія.

1) Какъ уже было указано, именно эта эпоха жизни Церкви менѣе чѣмъ другія показательна для правильнаго рѣшенія вопроса о природѣ Церкви. Она даетъ много примѣровъ насилія государства надъ совѣстью христіанъ, попытокъ силой удержать ихъ въ общеніи другъ съ другомъ. Весь этотъ мате-

---

*) Какъ примѣръ можно указать на подчиненіе церкви Англіи контролю государства, которое имѣетъ много общаго съ фактическимъ положеніемъ Православной церкви во многихъ странахъ, но далеко не соотвѣтствуетъ Апостольскому Преданію и ученію многихъ Отцовъ Церкви.

ріалъ скорѣе показываетъ поэтому, чего не нужно дѣлать по отношенію къ отколовшимся братьямъ и какихъ опредѣленій единства Церкви слѣдуетъ избѣгать.

2) Церковь въ эпоху семи Вселенскихъ соборовъ продѣлала огромную эволюцію внутреннюю. Ея жизнь въ началѣ IV вѣка, отлична отъ ея жизни въ концѣ того же столѣтія, и, конечно, еще большая разница отдѣляетъ IV вѣкъ отъ VII или VIII. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ пытаться приглашать современное инославіе возстановить у себя ученіе и практику семи Вселенскихъ соборовъ, мы должны рѣшить, какой періодъ мы будемъ считать болѣе авторитетнымъ и будемъ ли мы брать за рѣшенія и совѣты образецъ болѣе раннихъ или болѣе позднихъ соборовъ и учителей Церкви.

3) Наконецъ, вообще невѣрно и бесплодно сравнивать живые церковные организмы съ разрозненными памятниками церковнаго творчества давно умершей эпохи: въ концѣ концовъ мы можемъ сравнивать инославіе лишь съ нашимъ пониманіемъ и толкованіемъ Церкви семи Вселенскихъ Соборовъ, а не съ ея подлиннымъ образомъ. А это толкованіе бываетъ весьма различнымъ не только у восточныхъ и западныхъ богослововъ(*), но оно часто вызываетъ споры и разногласія даже въ средѣ самихъ Православныхъ ученыхъ. Въ особенности на примѣрѣ столь сложнаго организма, какимъ является англиканство, можно легко убѣдиться въ недостаточности этого критерія. Рядъ наиболѣе жгучихъ вопросовъ, вызванныхъ реформаціей въ Англіи, какъ на примѣръ, правомочность англиканской іерархіи, число таинствъ, принятіе термина трансубстанціи не обсуждались на Вселенскихъ Соборахъ и они не могутъ быть рѣшены на основаніи ихъ постановленій. Вселенскіе Соборы были живымъ голосомъ церковнаго сознанія своей эпохи, въ этомъ заключается ихъ непроходящая цѣнность для всей церкви, но они не могутъ служить непогрѣшимымъ оракуломъ для рѣшенія конфликтовъ и проблемъ, возникшихъ при обстоятельствахъ и въ эпоху глубоко отличныхъ отъ Византійской имперіи IV или VII вѣка.

Всѣ эти соображенія показываютъ, что ни одинъ изъ обычныхъ методовъ оцѣнки инославія не выдерживаетъ испытанія передъ лицомъ новыхъ проблемъ возникшихъ изъ встрѣчи Православія съ Англиканствомъ, что въ свою очередь означаетъ, что и наше современное ученіе объ единствѣ Церкви требуетъ дальнѣйшаго изученія и углубленія. Эта задача неосуществима. безъ освобожденія нашего церковнаго созна-

---

*) На примѣръ, римо-католическіе богословы утверждаютъ, что Вселенскіе Соборы признавали папскую власть надъ Церковью. Православные богословы на основаніи тѣхъ же источниковъ утверждаютъ обратное, что папы подчинялись соборамъ.

нія отъ всѣхъ соблазновъ упрощеннаго рѣшенія этой труднѣйшей проблемы. Ставя передъ собою вопросъ, гдѣ сможемъ мы искать единственный вѣрный критерій истинной Церкви, мы должны отвѣтить, что онъ является лишь въ свѣтѣ Православнаго ученія о ней.

Самъ Духъ Святой, открываетъ себя въ соборной мысли и жизни Церкви.

Надо смѣло признать, что ни Священное Писаніе, ни Символы Вѣры, ни творенія св. отцовъ, ни каноны соборовъ, являются не чѣмъ инымъ, какъ нормами гарантирующими нормальное функціонированіе церковнаго организма. Но они не способны сами по себѣ дать ему жизнь, а потому они и не суть Богоустановленныя основы истинной церкви. Только Духъ Святой дѣлаетъ собраніе христіанъ церковью, только тамъ, гдѣ присутствуетъ онъ, становятся возможными таинства, осуществляется спасеніе и христіанская община преобразуется въ тѣло Христово и въ храмъ Бога живаго.

Такимъ образомъ, всѣ попытки найти формальный, осязаемый, разъ навсегда и для всѣхъ данный критерій для опредѣленія истинной Церкви, и ея внѣшнихъ границъ, обречены на неудачу, ибо Церковь дѣлаетъ Церковью Духъ Святой, а ни какое либо историческое и контролируемое людьми начало.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, природа Новаго Завѣта, основанная на отвѣтственномъ участіи человека въ его осуществленіи, предполагаетъ наличие нѣкоторыхъ признаковъ, при помощи которыхъ христіанинъ могъ бы отличить истинную Церковь отъ ложной. Такимъ признакомъ прежде всего является непрерывность церковной жизни, вѣрность ея своему прошлому, ибо Духъ Святой не можетъ ни противорѣчить, ни отвергать своихъ собственныхъ указаній. Вотъ почему согласіе со Священнымъ Писаніемъ, исповѣданіе древнихъ символовъ вѣры, непрерывность священства, храненіе таинствъ, вѣрность и почитаніе преданія являлись и всегда будутъ являться однимъ изъ существенныхъ признаковъ отличающихъ истинную Церковь отъ поврежденной. Тамъ, гдѣ непрерывность церковной жизни нарушена, тамъ, гдѣ сегодня опровергается то, о чемъ проповѣдывалось вчера, — тамъ, несомнѣнно, происходитъ нарушеніе нормальной жизни Церкви и возбуждаются серьезныя сомнѣнія въ ея истинности.

Но вѣрность отеческому или даже апостольскому преданію сама по себѣ не можетъ явиться гарантіей благодатности ея жизни ибо Церковь призвана не только хранить данный ей талантъ, но и отдавать его въ ростъ и осуществлять ученіе Христа въ жизни всѣхъ народовъ во всѣ времена. Поэтому къ первому критерію непрерывности и вѣрности традиціи,

обычно принимающемуся богословіемъ, какъ достаточный, надо прибавить второй — наличіе церковнаго творчества. Исторія знаетъ рядъ примѣровъ (*), когда части Церкви отказывались отъ всякаго движенія впередъ и отдавали всю свою энергію на охраненіе богатства, скопленнаго ихъ отцами. Во всѣхъ этихъ случаяхъ слѣдовало вырожденіе церковнаго организма, а иногда и ихъ полнѣйшее уничтоженіе. Но, конечно, не каждое новое творчество бываетъ оправдано и къ двумъ первымъ критеріямъ слѣдуетъ прибавить третій и послѣдній — явленіе церковью даровъ св. Духа. Только то древо живо, которое приноситъ цвѣты и плоды, и только та церковь имѣетъ основаніе вѣрить въ свою неоставленность Богомъ, которая можетъ показать міру примѣры святой жизни среди своихъ членовъ, ибо какъ бы ни вѣрно блюла она священное преданіе, какъ ни широко развивала бы она свою внѣшнюю дѣятельность но все это носить печать человѣческихъ усилій и не можетъ еще свидѣтельствовать о благодатности Церкви. Только обиліе благодатныхъ даровъ, только примѣры святости могутъ показать, что данная христіанская община есть истинная дочь Единой Вселенской Церкви.

Предлагаемые три критерія для изслѣдованія жизни инославія и для опредѣленія границъ Церкви соотвѣтствуютъ православному ученію, такъ какъ они являются вѣрной гарантіей противъ всѣхъ попытокъ замѣнить власть св. Духа надъ Церковью внѣшнимъ авторитетомъ подобнымъ папѣ или Священному писанію, или Вселенскимъ Соборамъ и т. д., т. е. ввести человѣкомъ контролируемыя критеріи для оцѣнки жизни христіанской общины. вмѣстѣ съ тѣмъ они даютъ и подлинную возможность разобраться въ сложной дѣйствительности исторіи Новаго Завѣта, основаннаго не на буквѣ закона, а на любви и милосердіи Бога къ людямъ страждущимъ отъ грѣха и страстей. Вотъ почему возможны тѣ частые случаи, когда часть Церкви, которая по человѣческому сужденію могла бы считаться обреченной на отверженіе, продолжаетъ приносить плоды христіанской жизни и давать видимыя доказательства. Божественнаго промысленія о ней и сохраненія ея въ лонѣ тѣла Христова.

Англиканская Церковь съ ея бурной и запутанной исторіей, съ ея борьбой партій, съ ея еретическими уклоненіями, но и съ ея любовью и вѣрностью преданію, можетъ послужить однимъ изъ убѣдительныхъ примѣровъ подобнаго божественна-

---

*) Примѣръ недостаточности главнаго критерія даетъ коптская Церковь въ Египтѣ, давно прекратившая всякое иное дѣланіе, кромѣ благоговѣйнаго храненія отцовскаго преданія и потому неуклонно идущая къ духовному угасанію.

го снисхожденія и любви къ своей Церкви. Въ эпоху своего наибольшаго паденія, когда даже вѣра въ Божественность Христа стала колебаться среди части ея духовенства, когда таинство Евхаристія нерѣдко совершалось всего лишь нѣсколь-ко разъ въ годъ и въ нѣкоторыхъ ея приходяхъ, она была внезапно пробуждена отъ своего сна и призвана къ такому расцвѣту духовной жизни, которое сдѣлало ее въ настоящее время одной изъ наиболѣе славныхъ помѣстныхъ церквей. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это возрожденіе произошло не случайно, оно явилось плодомъ вѣрности Церкви своему Апостольскому происхожденію, которе она пронесла черезъ эпохи своихъ искушеній и паденій.

Только отказавшись отъ формальныхъ и законническихъ опредѣленій Церкви можемъ мы теперь и объяснить это чудо милосердія Божія, а также отвѣтить и на вопросъ, поставленный въ началѣ этой статьи, о желательности и возможности общенія въ таинствахъ съ Англиканской Церковью, оставаясь на почвѣ заимствованнаго у Рима легализма.

Находясь на почвѣ формальныхъ критеріевъ церкви, Православное богословіе можетъ лишь уклоняться отъ его рѣшенія, такъ какъ единственный логическій выводъ изъ традиціонныхъ оцѣнокъ инославія долженъ привести его къ отрицательному отвѣту, неприемлемому, однако, ввиду все растущей фактической близости между Англиканствомъ и Православіемъ. Эта двойственность православной позиціи свидѣтельствуетъ о растерянности богословской мысли, которая можетъ вновь обрѣсти свое равновѣсіе лишь при отказѣ отъ законническаго не свойственнаго Православію отношенія къ Церкви. Только при смиренномъ признаніи, что земные части Церкви не могутъ знать всей глубины милосердія Божія и что не ихъ теоріи и предположенія, а само качество жизни Церкви являются послѣднимъ мѣриломъ для оцѣнки инославія, и для опредѣленія границъ Церкви, можемъ мы вновь найти соборную мудрость для правильнаго отвѣта на Англиканское предложеніе возстановить общеніе съ ихъ Церковью. Существуетъ рядъ вѣскихъ формальныхъ доводовъ въ пользу положительнаго отношенія къ этому братскому призыву, какъ на примѣръ Апостольское преемство Англиканской іерархіи (*), исповѣданіе истинной вѣры и блюденіе Православнаго ученія о таинствахъ большинствомъ клира и мірянъ церкви Англии; но быть можетъ наиболѣе рѣшающимъ факторомъ въ пользу общенія съ Ан-

---

*) Константинопольскій Патріархъ призналъ Апостольское преемство Англиканской Іерархіи въ 1922 г. Это рѣшеніе было подтверждено синодами Александрійской и Іерусалимской Патріархій и церковнаго клира.

гликанствомъ все же явится тотъ неоспоримый фактъ, что эта Церковь приноситъ такіе плоды духовной жизни и святости, которые приѣмлются Православнымъ сознаніемъ, какъ истинные примѣры христіанскаго совершенства, недостижимыя безъ помощи Божественной благодати, а тамъ, гдѣ Духъ Святой, тамъ есть Церковь, столпъ и утвержденіе истины.

Въ заключеніе можно указать, что братское признаніе Англиканства за часть Вселенской Церкви хотя и пострадавшей отъ раздѣленія можетъ осуществиться лишь какъ дѣло подвига любви и вѣры и тѣмъ самымъ оно, несомнѣнно окажется возрождающимъ вліяніемъ и на жизнь всей Православной Церкви. Современное Православіе часто страдаетъ отъ остраго несоотвѣтствія между его ученіемъ и его повседневной жизнью, его вселенскость часто замѣняется больнымъ національнымъ шовинизмомъ, его соборность худшимъ типомъ бюрократизма, его догматическая насыщенность вопіющимъ невѣжествомъ его членовъ. Упорное существованіе этихъ изъяновъ во многомъ связано съ дѣющимися раздѣленіями внутри христіанскаго міра, которыя подрываютъ самыя основы Новаго Завѣта и ослабляютъ всѣ сферы церковной дѣятельности. Возстановленіе общенія между Англиканствомъ и Православіемъ явится первымъ свидѣтельствомъ искренняго желанія христіанъ покаяться въ ихъ общемъ грѣхѣ раздѣленія и начать вновь жизнь въ любви и братолюбіи. Это покаяніе не можетъ быть не благословлено Богомъ, а съ Его помощью члены Православной Церкви, несомнѣнно, найдутъ и тѣ мудрые и правильные пути для возстановленія единства съ западными христіанами, которыхъ они не видятъ въ настоящее время.

Н. Зерновъ.

Парижъ, 1 ноября 1933.